

Саргсян против Азербайджана и Чирагов и другие против Армении

24 мая 2016 г. на брифинге, организованном European Implementation Network и Правовой инициативой «Открытого общества», профессор Филип Лич (директор EHRAC) и Родри Уильямс (старший эксперт по правовым вопросам, Международный консорциум по правовой помощи) выступили перед представителями правительств в Совете Европы с сообщением о решениях 2015 г., вынесенных Европейским Судом по правам человека по двум делам, связанным с конфликтом в Нагорном Карабахе.

В двух решениях Большой палаты, вынесенных 16 июня 2015 г. ([Sargsyan v Azerbaijan](#) и [Chiragov and others v Armenia](#)) были признаны нарушения прав по смыслу Европейской конвенции в отношении семей, вынужденно переселенных в результате нагорно-карабахского конфликта в начале 1990-х гг., из-за которого появились сотни тысяч беженцев и внутренне перемещенных лиц с обеих сторон, и который остается неразрешенным до сих пор. Мирные переговоры проводятся под эгидой [Минской группы ОБСЕ](#) (под сопредседательством Франции, России и США), но как очевидно из решений, переговоры по урегулированию пока неоднократно заходили в тупик.

Обстоятельства – и факты, установленные Судом

Минас Саргсян и его семья, армяне по национальности, проживали в селе Гюлистан на севере Нагорного Карабаха, но не международно признанной территории Азербайджана. В июне 1992 г. село было подвергнуто сильному обстрелу со стороны азербайджанских вооруженных сил, и все жители вынуждены были бежать из него. Семья Саргсянов осела в Армении в качестве беженцев. Заявителями по делу Чирагова были азербайджанские курды, проживавшие в Лачинском районе, который неоднократно подвергался обстрелам, и в мае 1992 г. им также пришлось покинуть район незадолго до того, как город Лачин был занят про-армянскими войсками. В последствии заявители не имели возможность возвратиться в свой район и поэтому жили как вынужденные переселенцы в другой части Азербайджана.

В обоих делах жалобы заявителей на потерю домов, земли и имущества были поддержаны, при этом Суд установил продолжающиеся нарушения их прав в соответствии со статьей 1 Протокола №1 (право на уважение своей собственности), статьей 8 (право на уважение личной и семейной жизни и жилища) и статьей 13 (право на эффективное средство правовой защиты).¹

¹ Ко времени вынесения решения Судом в 2015 г. своей очереди рассмотрения ожидали более тысячи индивидуальных жалоб, поданных перемещенными во время конфликта лицами, при этом чуть более половины жалоб было подано против Армении, и остальные -- против Азербайджана.

Юрисдикция

В деле Чирагова вопрос стоял о действии Конвенции за территорией государства (была ли у Армении юрисдикция в отношении событий, происходящих на территории Нагорного Карабаха?), в то время как в деле Саргсяна необходимо было разобраться, осуществлял ли Азербайджан юрисдикцию над частью своей территории, над которой, как заявляло государство, был потерян контроль.

Проблема в деле Чирагова состояла в том, осуществляла ли Армения «фактический контроль» в Нагорном Карабахе и прилегающих территориях. На основании имеющихся доказательств Суд установил, что Армения была в значительной степени вовлечена в участие в конфликте с самого его начала в виде военного присутствия и предоставления вооружения и консультирования. Такая поддержка *«была и продолжает быть решающей для захвата и удержания контроля над данной территорией»* (п. 180). Более того, учитывая тесные политические связи и другие способы предоставления поддержки, Суд установил, что Армения и «Нагорно-карабахская Республика» *«в значительной степени составляли единое целое в понимании практически всех важных аспектов»* (п. 186).

В деле Саргсяна крайне спорным оставался вопрос о местоположении и статусе села Гюлистан, где проживала семья, а именно степень близости села к двум военным позициям государства-ответчика. На основании имеющихся доказательств Суд нашел, что присутствие в какое-либо время азербайджанских военных сил в Гюлистане не было установлено; с другой стороны, также не было никаких доказательств того, что в селе находились военные позиции или войска «Нагорно-карабахской республики». Таким образом, Большая палата пришла к заключению, что поскольку село располагалось на признанной на международном уровне территории Азербайджана, предположение о распространении юрисдикции обосновано. Ранее ограничение ответственности государства признавалось только в отношении территорий, где фактический контроль осуществляло другое государство или сепаратистский режим, и Суд отклонил доводы Азербайджана о том, что такой же критерий должен быть приложен к спорным территориям или *«районам, которые вследствие обстоятельств считаются недостижимыми»* (п. 123).

Несостоятельность мирных переговоров

Главная черта обоих решений заключается в том, что Суд отчетливо высказал свое мнение о неадекватности позиций обеих сторон в отношении мирных переговоров. Например, в деле Саргсяна Суд подчеркнул, что:

«... поиск политического урегулирования конфликта является обязанностью обоих государств, вовлеченных в конфликт... Полноценные решения таких вопросов, как возвращение беженцев в свои бывшие места проживания, возвращение имущества в их собственность и/или выплаты компенсаций могут быть достигнуты только в результате мирного соглашения. Так, до вступления в Совет Европы,

Армения и Азербайджан приняли на себя обязательство разрешить конфликт в Нагорном Карабахе мирным путем... Хотя переговоры проходили в рамках Минской группы ОБСЕ, более двадцати лет прошло со времени договора о прекращении огня в мае 1994 г. ... при этом политическое решение проблемы и не просматривается. Не далее как в июне 2013 г. президенты стран-сопредседателей Минской группы ... выразили «свое глубокое сожаление о том, что вместо того, чтобы добиваться разрешения конфликта, основываясь на взаимных интересах, стороны продолжают выискивать одностороннюю выгоду в процессе переговоров»... (Саргсян, п. 216)

Призыв к учреждению механизма решения имущественных претензий

Один только факт незавершенности мирных переговоров не освобождает оба правительства от принятия других мер, особенно в связи с настолько затянувшейся продолжительностью попыток урегулирования без достижения осязаемых результатов. В обоих делах Суд направил внимание правительств к международным стандартам в отношении имущественных прав (а именно к [«Принципам Пинеиро» ООН](#)), сделав следующее заключение:

«... представляется в особенности важным установить механизм решения имущественных претензий, который был бы легко доступен, и сформировать процедуры, работающие по гибким стандартам предоставления доказательств, что позволяло бы заявителю и другим лицам в подобной ситуации восстанавливать свои имущественные права и получать компенсацию за потерю этих прав». (Саргсян, п. 238, Чирагов, п. 199)

Прецеденты предписанных Судом механизмов разрешения претензий

Имеется прецедент в контексте другого длительного и напряженного политического спора -- имущественные претензии на северном Кипре. В решении 2005 г. [«Ксенидес-Арестис против Турции» \(Xenides-Arestis v Turkey\)](#) Суд предписал турецкому правительству ввести механизм разрешения имущественных претензий в течение трех месяцев, что привело к основанию Комиссии по недвижимости (в состав которой входил бывший генеральный секретарь и заместитель генерального секретаря Совета Европы). Впоследствии в решении 2010 г. [«Демопулос и другие против Турции» \(Demopoulos and others v Turkey\)](#) Большая палата установила, что Комиссия предоставила доступную и эффективную систему возмещения ущерба.

В другом примере Суд сделал изобретательный и в конечном итоге [успешный](#) вклад в разрешение крупномасштабных имущественных споров в Польше, берущих начало в периоде после окончания Второй мировой войны ([«Брониовский против Польши» \(Broniowski v. Poland\)](#)). Суд также указал ряду государств (хотя и с неодинаковым успехом) ввести механизмы для разрешения потока имущественных претензий: среди них [Румыния](#), [Албания](#) и [Италия](#).

Более того, в таких ситуациях Суд может делать подобные указания все более нормативными, например, предписывая государствам принимать меры для предотвращения незаконный захват недвижимости ([«Сарыджа и Дилавер против Турции» \(Sarica and Dilaver v. Turkey\)](#)) и учитывать обуславливающие факторы при исчислении компенсации за экспроприированное имущество ([«Етиш и другие против Турции» \(Yetiş and others v Turkey\)](#)). В рассматриваемых делах Суд в прямой форме указал не только на международные руководящие документы, как например [«Принципы Пинеиро»](#), принятые подкомиссией ООН по правам человека в 2005 г., но также и стандарты для определенных регионов, такие как [«Принципы Паулсена»](#), принятые Парламентской ассамблей Совета Европы в 2010 г.

Имущественные претензии и право на возвращение

Как в деле Саргсяна, так и Чирагова Суд учел [«Базовые мадридские принципы 2007 г.»](#), разработанные Минской группой ОБСЕ для разрешения конфликта в Нагорном Карабахе, которые предусматривают *“право внутренне перемещенных лиц и беженцев на возвращение в свои бывшие места проживания”* (Саргсян, п. 236), а также стандарты (как «Принципы Пинеиро»), которые утверждают это право, и установление Международным Комитетом Красного Креста существования этого права в качестве обычного международного гуманитарного права.

Тем не менее, Суд не предписывает меры по прямому обеспечению возвращения заявителей. В деле Саргсяна Суд установил, что на основании безопасности было обоснованным отказать бывшим жителям в доступе в село Гюлистан, которое оставалось в зоне ведения военных действий (п. 233). Установив нарушение имущественных прав заявителей в деле Чирагова, Суд делает общее замечание о том, что *«не представляется реалистичным, а тем более возможным, непосредственное возвращение азербайджанцев на эти территории в обстоятельствах, имевших место весь этот период...»* (п. 195).

Тем не менее, в данной ситуации оба государства все равно несли обязанность принять «альтернативные меры» для обеспечения имущественных прав, удовлетворяя непереносимое условие для возвращения в конечном итоге перемещенных лиц (Саргсян, п. 234, ср. «другие меры», Чирагов, п. 198). Такие меры в отношении собственности могут быть приняты до фактического возвращения перемещенных лиц, в то время как возвращение не может иметь место при отсутствии механизма обеспечения имущественных прав. В результате решение Суда по более политизированному вопросу о возвращении остается в рамках текущих переговоров, одновременно обязывая государства сосредоточиться на принятии специализированных мер в отношении имущества, которые не только подготовят почву к конечному возвращению, но и, возможно, создадут потенциал для установления доверия друг к другу. При этом важно отметить, что вопрос о том, как будет сформирован механизм решения

имущественных претензий, на является совершенно чуждым вопросу о возвращении.

В решении 2010 г. в деле [«Демопулос и другие против Турции» \(Demopoulos and others v. Turkey\)](#) Суд дал понять, что на возвращение могут быть наложены некоторые ограничения, которые тем не менее не будут выходить из контекста полноценного и обговоренного мирного урегулирования, включающего в себя механизмы по обеспечению прав человека для всех вовлеченных сторон. В подробном описании положений о возвращении и собственности «Плана Аннана», подготовленного ООН в 2004 г. по объединению Кипра, Суд отметил, что план *«учел необходимость уравновесить права греческих киприотов с правами лиц, в настоящее время занимающих их жилища и пользующихся их землей»*, фактически ограничив непосредственное восстановление собственности (в отличие от компенсации) и возвращение бывших жителей (п. 10).

В то же время в деле Демопулоса Суд отверг требование заявителей о восстановлении по умолчанию всей собственности греческих киприотов на основании неспособности сторон достичь договоренности и последовавшего за этим риска того, что одностороннее действие такого характера по исправлению причиненного в прошлом вреда не приведет к желаемому равновесию: *«в практике Суда не имеется прецедентов в поддержку предложения о том, что государство-участник должно принять автоматическую политику восстановления собственности владельцев без принятия во внимание существующее в настоящее время использование рассматриваемой собственности или проживания в ней»* (п. 117).

Эти соображения имеют несколько значений для механизма восстановления имущества. Во-первых, даже если представляется возможным для сторон установить ограничения по возвращению в довоенные жилища, такие ограничения должны быть оговорены в мирном соглашении и сформулированы таким образом, чтобы обеспечить равновесие в правах человека для всех категорий вовлеченных лиц. Во-вторых, при том, что Суд не примет механизм восстановления имущественных прав, который исключал бы любую возможность фактического восстановления (см. дело Ксенидес-Арестиса), баланс между восстановлением, компенсацией и другими средствами защиты возможен, в особенности в делах, где право на возвращение подчинено согласованным и оправданным ограничениям.

Шаги на пути к механизму решения имущественных претензий

Учитывая, что соотношение между фактическим восстановлением имущества по иску и другими средствами защиты, скорее всего, будет зависеть от характера мирного соглашения в целом, решающей задачей для тех, кто будет составлять механизмы решения имущественных претензий, станет необходимость показать, что созданы условия для перемещенных лиц получить адекватное и эффективное средство защиты за свое вынужденное перемещение, в какой бы форме это

средство защиты не было выражено. В этой связи следует рассмотреть следующие критерии:

- Средства защиты должны включать в себя как материальные, так и процессуальные элементы.
- В материальном аспекте общепринятое правило таково, что фактическое восстановление должно быть предоставлено всегда, когда это возможно. В случае, когда такой возможности нет, могут рассматриваться другие средства защиты, такие как денежная компенсация или предоставление другой собственности. При этом, как отмечалось выше, «невозможность» можно обоснованно истолковать в свете дела Демопулоса, распространив это понятие на случаи, в которых ограничение восстановления необходимо для защиты прав других.
- В любой ситуации компенсация также должна быть по возможности предоставлена за нематериальный ущерб, а также возмещение ущерба за потерю дохода от захваченной собственности. Хотя компенсация не обязательно должна равняться полной стоимости и может быть унифицирована для ускорения произведения оценки, она должна разумно соотноситься с действительной стоимостью.
- Официальное признание прав на захваченную собственность составляет важную часть средства защиты, равно как и шаги по обеспечению юридической защиты восстановленных имущественных прав перемещенных лиц.
- С точки зрения процедуры механизм решения имущественных претензий должен быть не затяжным, простым, недорогим и доступным, при этом главное внимание должно быть направлено на функциональность и быстрые и ожидаемые результаты для истцов.
- В частности, на истцов должны работать системы презумпций в их пользу, а также сниженное бремя доказательств. Такой отход от обычной судебной процедуры можно оправдать как признание чрезвычайного характера обстоятельств коллективного лишения истцов их собственности.

Механизмы решения имущественных претензий часто являются дорогостоящими в плане как прямых, так и косвенных затрат и политического капитала в контексте сложных достигнутых процессов мирного урегулирования. Тем не менее, начальные шаги по разработке подобных механизмов влекут за собой невысокие первичные затраты и могут служить важными мерами по установлению доверия, в особенности если они были приняты совместно обеими сторонами, при том, чтобы оба государства, вовлеченных в конфликт в Нагорном Карабахе, предприняли одновременные и схожие по существу обязательства по отношению к перемещенным лицам с каждой стороны. В свете дел Саргсяна и

Чирагова подобные обязательства должны включать, как минимум, следующие обязательства:

- Обязательство признать все имущественные права, нарушенные в результате конфликта, и предоставление адекватных средств защиты, включая восстановление и компенсацию. Если бы государства-участники напрямую упомянули нарушения имущественных прав, произошедших в форме кратковременных деяний до вступления в силу ЕКПЧ, символическое воздействие подобного добровольного заявления было бы особенно важным.
- Определение имущественных прав, включающее в себя все основные и защищаемые законом формы владения землей, коммерческой недвижимостью и жилыми домами, которое существовало при прошлой советской системе, не придавая значения тому, являлись ли подобные права в строгом смысле частными имущественными правами в то время (например, основываясь на определении «имущества» в решениях по делам Саргсяна и Чирагова).
- Готовность принять доказательства имущественных прав и проживания на данной территории при отсутствии доказательств в пользу противного на условиях и основываясь на определениях, изложенных в решениях Суда по делам Саргсяна и Чирагова.
- Совместные сроки и последовательность завершения оформления процедур для механизмов решения имущественных претензий, распространение информации среди всех заинтересованных сторон и сбор исков.

Следует отметить, что шаги, которые требуется предпринять в соответствии с совместной договоренностью о сроках и реализации потребуют во все возрастающей степени расширения соглашения в отношении принципов мирного урегулирования. Даже определение процедур исковых механизмов влечет за собой необходимость выбора, ставящего условием определенную степень ясности по вопросам, которые разбираются в ходе переговоров, в частности возвращение. Таким образом, здесь имеется не только риск, но и возможность. Риск состоит в том, что если разработка имущественного механизма значительно опередит всесторонние переговоры, это подорвет доверие к усилиям в обоих направлениях. Тем не менее, есть надежда, что последовательное внимание к тонкостям разработки имущественного механизма может придать толчок к развитию переговоров, тем самым поспособствовав разрешению безвыходной политической ситуации.

ЕНРАС и НКО [Правовое руководство](#) представляли интересы заявителей в деле [«Саргсян против Азербайджана»](#).